

Екатерина ЛЕВИНТОВА

Политический дискурс в постсоветской России (1992-2001 гг.)*

Задача данного исследования — анализ эволюции официального дискурса интеллектуальной элиты в постсоветской России с 1992 г. по сентябрь 2001 г. Исследование эволюции дискурса идет по нескольким важным блокам-направлениям: политическому, идеологическому, экономическому, внешнеполитическому и национальному.

Под "официальным дискурсом" автор понимает устойчивый набор высказываний на темы важнейших общественных категорий, норм, ценностей и теорий, используемый для публичного объяснения намерений и действий элиты. Определение "публичное" имеет для автора принципиальное значение, поскольку иные, неофициальные высказывания и не доступны, и не являются официальным дискурсом по определению. От идеологии, картины мира, системы взглядов дискурс отличается своей социальной составляющей, а именно подразумеваемым существованием не только носителя (или коммуникатора), но и аудитории. При этом для продуцента дискурса важна не только собственная позиция, но и предполагаемая позиция аудитории. Цель дискурса — воздействие на слушателя. Одновременно дискурс дает возможность аудитории получить представление и о самих коммуникаторах.

Если идеология представляет собой целостные постулаты, которые априорно известны исследователю, то дискурс включает набор разнородных элементов, которые могут складываться в ту или иную конкретную, но заранее неизвестную конструкцию. Методологически изучение идеологии предполагает сравнение индивидуальных взглядов политика или общественного деятеля с уже известными идеологическими константами. Изучение же дискурса, наоборот, базируется на извлечении общих закономерностей из разрозненных и неочевидных элементов, содержащихся в речах или письменных высказываниях субъекта. В первом случае мы идем от известного общего к неизвестному частному (проверяем, насколько конкретный случай соответствует известной идеологии), а во втором — от частного к общему (выявляем дискурс на основе конкретных наблюдений). Предметом данной работы и является воссоздание общего политического дискурса из частных высказываний представителей российской интеллектуальной элиты.

Обзор существующей литературы и состояние изученности вопроса. Проблема дискурса. В современной литературе есть два подхода к анализу дискурса. Согласно первому, постмодернистскому видению, дискурс всегда искусственно создается, чтобы представить социально сконструированные отношения, нормы и модели поведения в качестве "естественных" и "объективных". Таким образом, дискурс создается и используется для защиты и поддержания существующих институтов власти и до-

* Данное исследование проводилось при частичной финансовой поддержке Американского Совета по международным исследованиям и обмену АЙРЕКС (IREX), распоряжающегося средствами, выделенными Национальным гуманитарным фондом (National Endowment for the Humanities), Государственным Департаментом США (US Department of State, Title VIII Program) и Фондом поддержки ученых АЙРЕКС (IREX Scholar Support Fund). Ни одна из упомянутых организаций не несет ответственности за высказанные в статье взгляды. Автор благодарит профессоров Л.Д.Гудкова и Б.В.Дубина (Отдел социально-политических исследований ВЦИОМ) за помощь в опросе экспертов и высказанные замечания.

минирования. Наиболее известный представитель этой школы — Мишель Фуко^{1*}. Но есть и другое, менее субъективное направление в интерпретации дискурса. Согласно ему, дискурс — связующее звено между идеями и собственно действиями. Следовательно, дискурс имеет некие объективные источники и параметры и является важным объектом анализа. Гораздо большее число ученых придерживается именно второй точки зрения^{2*}. Примечательно, что даже теоретики школы общественного (рационального) выбора, включая Р.Бейтса^{3*}, уже не отрицают аналитической значимости дискурса. Они считают, что он важный параметр действий акторов, источник их предпочтений, механизм оценки альтернатив, систематизации информации и инструмент, позволяющий определять выбор стратегии.

Исходя из идеи объективности дискурса М.В.Стайнберг, С.Терроу, Ч.Тилли и М.Тротт^{4*} приходят к выводу о стабильности дискурса, его влиянии на участников политического процесса, способности формировать модели поведения, отличающиеся постоянством. Одновременно они замечают, что обычно трансформация дискурса происходит постепенно; резкие изменения обусловлены только косильнейшими политическими потрясениями.

Социология интеллектуалов. В литературе существуют глубокие расхождения в определении собственно термина "интеллектуал". Первая группа авторов^{5*} придерживается функциональной, социологической или со-

1* См., например: Foucault M. Archeology of Knowledge / Transl. A.M.Sheridan Smith. N.Y., 1972.

2* Среди прочих: Orloff A.S. Motherhood, Work and Welfare in the United States, Britain, and Australia // State/Culture: State Formation after Cultural Turn / Ed. G.Steinmetz. Ithaca, 1999; Steinberg M.W. The Roar of the Crowd: Repertoires of Discourse and Collective Action among the Spitalfields Silk Weavers in Nineteenth-Century London // Repertoires and Cycles of Collective Action / Ed. M.Traugott. Durham (NC), 1995; Snow D.A., Benford R. Master Frames and Cycles of Protest // Frontiers in Social Movements Theory / Ed. A.D.Morris, C.M.Mueller. New Haven (CT), 1992; Leitín D.D. Political Culture and Political Preferences // American Political Science Review. 1988. Vol. 82. P. 589-593; и др.

3* Bates R.H., et al. Analytic Narratives. Princeton, 1998.

4* См. главы указанных авторов в: Repertoires and Cycles of Collective Action.

5* Weber M. Science as a Vocation and Politics as a Vocation // From Max Weber: Essays in Sociology / Ed. and transl. H.H.Gerth, C.W.Mill. N.Y., 1946; Mannheim K. Ideology and Utopia. N.Y., 1936; Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism and Democracy. N.Y., 1950; Coser L. Men of Ideas: A Sociologist's View. N.Y., 1970; Dahrendorf R. The Intellectual and the Society. The Social Function of the 'Fool' in the Twentieth Century // Theoretical Studies/Case Studies on Intellectuals / Ed. P.Rieff. Garden City (N.J.), 1970; Parsons T. The Intellectuals: A Social Role Category // Ibid; Shils E. The Intellectuals and the Powers // Ibid; Konrad G., Szelenyi I. The Intellectuals on the Road to Class Power. Brighton, 1978; Gouldner A.W. The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class. N.Y., 1979; Lipset S.M., Brym R. Intellectuals and Politics. L., 1980; Bourdieu P. Homo Academicus. Stanford, 1984; Shlapentokh V. Soviet Intellectuals and Political Power. Princeton, 1990; Konrad G., Szelenyi I. Intellectuals and Domination in Post-Communist Societies // Social Theory for Changing Society / Ed. P.Bourdieu, J.S.Coleman. Boulder (CO), 1991; Jedlicki J. What's the Use of Intellectuals? // Polish Sociological Review. 1994. Vol. 106. N 2. P. 101-110; Ziolkowski M. Group Interests and Group Consciousness in the Process of System Transformation. The Case of the Polish Intelligentsia // The Centennial Review. 1993. Winter. Vol. 37. N 1. P. 115-134; Гудков Л., Дубин Б. Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. М.: Эпицентр, 1995; Karabel J. Towards a Theory of Intellectuals and Politics // Theory and Society. 1996. Vol. 25. P. 205-233; Chajkowska B.B. From Tribunes to Citizens: Polish Intelligentsia During and after Communism: Ph.D. Dissertation. College Park: University of Maryland, 1999.

циоэкономической трактовки. Эта социоэкономическая школа рассматривает интеллектуалов лишь как одну из многочисленных социальных групп. Данная группа выделяется либо на основе специфической социальной функции (производство и оценка идей), либо на основе сходных социальных и экономических характеристик (образование и род деятельности). Вторая школа^{1*} рассматривает понятие "интеллигенция" в гуманистическом и социально-этическом ракурсах. Представители этой школы видят в интеллигенции уникальную и гомогенную группу с особыми моральными и этическими установками (гражданская позиция, гуманизм, сострадание, вера в народ и т.п.).

Очевидно, что большинство западных исследователей придерживается социоэкономической трактовки, тогда как российские ученые в основном оперируют социально-этическими категориями. Показателен также и выбор самого термина "интеллектуал" или "интеллигенция".

Второе разногласие относится к оценке взаимосвязи между интеллектуалами и политической элитой. Представители функционалистского научного направления^{2*}, школы интеллектуалов как нового класса^{3*}, теории конфликтной основы развития общества^{4*} и некоторые восточноевропейские авторы^{5*} относят интеллектуалов к части политической элиты. По их мнению, интеллектуалы и политическая элита либо имеют общие политические интересы, либо политическая элита, нуждающаяся в интеллектуалах как в экспертах, активно рекрутирует их в свои ряды. В свою очередь, социально-этические теоретики^{6*} считают интеллигенцию носителем универсальных, а не элитных ценностей и норм. Эти авторы подчеркивают оппозиционность интеллигенции по отношению к политической элите.

Политический дискурс в посткоммунистических обществах. В соответствии с социоэкономической трактовкой, между политической и интеллектуальной элитой существует важная связь, заключающаяся в выражении и внедрении интеллектуальной элитой доминирующих идей. Некоторые из современных авторов рассматривают роль политической и интеллектуальной элит в формиро-

вании дискурса в посткоммунистических обществах. Д.Лейтин^{1*} анализирует эволюцию дискурса национальной идентичности в бывших советских республиках. Р.Андерсон^{2*} изучает эволюцию метафор власти в советском официальном дискурсе до и во время демократизации (1991-1993 гг.). По его мнению, изменения в дискурсе являются индикатором более глубоких политических перемен. Н.Димитриевич^{3*} подчеркивает важнейшую роль независимых сербских интеллектуалов в создании посткоммунистического националистического дискурса. Э.Снайдр^{4*} рассматривает дискурс оппозиционных интеллектуалов-экологов и их роль в демократизации Словакии. А.Бозоки^{5*} описывает эволюцию венгерского посткоммунистического официального дискурса и конфликт между консервативной и либеральной фракциями венгерской политической элиты. Дж. Эял и др.^{6*} утверждают, что во время "создания капитализма без капиталистов" в посткоммунистической Венгрии между дискурсами бывших диссидентов-интеллектуалов и современной технократической бюрократии возникает много общего. Ближе всего к предмету данного исследования стоят работы А.Баранова, Д.Добровольского, М.Захваткина и др.^{7*}, Б.Межуева^{8*}, А.Темкиной и В.Григорьева^{9*} и А.Корниенко^{10*}, описывающие эволюцию использования отдельных ключевых элементов политического дискурса (например, понятий "национальные интересы", "свобода" и т.д.) в посткоммунистической России.

Теоретически, концептуально и методологически данная статья следует традициям объективной интерпретации официального дискурса. Согласно ей, этот дискурс наиболее полно выражается интеллектуальной элитой, представляющей собой социоэкономическую, а не социально-этическую категорию. В данной статье критериями, по которым интеллектуалы выделяются в отдельную группу, являются их функция (производство идей и знаний) и социальный статус. Моей целью также является развитие темы политического дискурса в посткоммунистических обществах на основе более комплексного рассмотрения этого феномена.

Понятийный аппарат, методология и данные исследования. Под "интеллектуальной элитой" подразумевается социологическая категория, включающая: а) официально действующих интеллектуалов-политиков, находящихся или находившихся непосредственно у власти, — Е.Гайдар,

1* В эту группу входят авторы следующих работ: *Media M.* What is the Intelligentsia? // *Daedalus*. 1960. Vol. 89. Summer. P. 441-458; *Gella A.* Life and Death of the Old Polish Intelligentsia // *Slavic Review*. 1971. Vol. 30. N 1. P. 5-6; *Лихачев Д.М.* О русской интеллигенции: Письмо в редакцию // *Новый мир*. 1995. № 2; *Sandomirskaia I.* Old Wives' Tales: Notes on the Rhetoric of the Post-Soviet Intelligentsia // *Intelligentsia in the Interim: Recent Experiences from Central and Eastern Europe*. Lund, 1995; *Tolstaya T.* The Perils of Utopia: The Russian Intelligentsia under Communism and Perestroika // *Development and Change*. 1996. Vol. 27. N 2. P. 315-329.

2* См.: *Lipset S.M., Brim R.* Op. cit.; *Skills E.* Op. cit.; *Parsons T.* Op. cit.

3* См.: *Konrad G., Szelenyi I.* Op. cit. (1978; 1991); *Gouldner A.W.* Op. cit.; *Karabel J.* Op. cit.; *Mokrzycki E.* Is the Intelligentsia Still Needed in Poland? // *Polish Sociological Review*. 1995. Vol. 12. N 4. P. 341-348.

4* См.: *Dahrendorf R.* Op. cit.

5* *Borocz J., Southworth C.* Decomposing the Intellectuals' Class Power: Conversion of Cultural Capital in Income. Hungary, 1986 // *Social Forces*. 1996. Vol. 74. N 3. March. P. 797-821; *Bozoki A.* The Rhetoric of Action: The Language of Regime Change in Hungary // *Intellectuals and Politics in Central Europe* / Ed. A.Bozoki. Budapest, 1999.

6* См.: *Лихачев Д.М.* Указ. соч.; *Tolstaya T.* Op. cit.; *Gella A.* Op. cit.; *Семенов В.С.* Трагико-диалектические испытания интеллигенции // *Интеллигенция: Проблемы гуманизма, народа, власти*. М., 1995; *Меметов В.С., Данилов А.А.* Интеллигенция России: Уроки истории и современность. Иваново: Ивановский ГУ, 1996; *Гаспаров М.Л.* Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // *Российская интеллигенция: История и судьба*. М.: Наука, 1999.

1* *Laitin D.D.* Identity in Formation: The Russian Speaking Populations in the Near-Abroad. Ithaca; N.Y., 1998.

2* *Anderson R. D., Jr.* Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics // *Slavic Review*. 2001. Summer. Vol. 60. N 2. P. 312-335.

3* *Dimitrijevic N.* Words and Death: Serbian Nationalist Intellectuals // *Intellectuals and Politics in Central Europe* / Ed. A.Bozoki. Budapest, 1999.

4* *Snajdr E.* Green Intellectuals in Slovakia // *Ibid*.

5* *Intellectuals and Politics in Central Europe...*

6* *Eyal G., Szelenyi I., Townsley E.* Making Capitalism without Capitalists: Class Formation and Elite Struggles in Post Communist Societies. L., 1998.

7* *Баранов А., Добровольский Д., Захваткин М. и др.* Россия в поисках идеи. Анализ прессы. Рабочие материалы. М.: Группа консультантов при Администрации Президента РФ, 1997. Вып. 1.

8* *Межуев Б.* Концептуализация "национального интереса" в политических дискуссиях // *Социальные исследования в России. Самопознание общества*. М.: Полис, 1998.

9* *Темкина А., Григорьев В.* Динамика интерпретативного процесса: Трансформация в России // Там же.

10* *Корниенко А. В.* Ценностные приоритеты современной российской прессы и их смысловые доминанты // *Журналистика и социология*. Россия, 90-е годы: Монографический сб. статей / Ред.-сост. С.Г.Корконосенко. СПб.: СПб. ГУ, 2001.

Е.Ясин, А.Шохин, А.Кудрин и др.; б) официальных советников, экспертов, консультантов, идеологов, находящихся при политической элите, но не входящих в нее непосредственно, — С.Васильев, Г.Павловский, С.Кордонский, Л.Смирнягин, А.Салмин и др. Эти две подгруппы, по моему мнению, — наиболее ярко выраженные коммуникаторы официального дискурса. Подчеркну, что рассматривается интеллектуальная, а не политическая элита, так как именно первая группа (в соответствии со своими социальными характеристиками) является основным создателем и распространителем идей, знаний, оценок и собственно дискурса.

Не вдаваясь в теоретический спор по проблемам идентификации элиты как особого социального слоя, необходимо отметить специфические особенности российской и восточноевропейской элит, рассмотренные в статьях Ю.Левады^{1*} и Л.Хахулиной и М.Тучека^{2*}. Основные характеристики этих элит — функциональные, позиционные, корпоративные и номенклатурные признаки, в частности, их способность контролировать распределение ресурсов (финансовых, информационных, административных и т.д.). Качественные различия между элитой и обществом, например, особые ценностные установки или образ мышления, незначительны. Таким образом, термин "элита" не несет в себе никаких оценок. Он означает лишь то, что данная группа интеллектуалов входит в правящую политическую элиту или обслуживает ее. Такая интеллектуальная элита может выражать и общественное мнение, если политическая элита делает ей такой заказ для обеспечения своей легитимизации.

В работе рассматриваются два типа дискурсов. Первый — "либеральный дискурс" состоит в поддержке демократии, идеологического и экономического либерализма (свободный рынок), прозападной внешней политики и этнической толерантности. Второй — "консервативный (органический, государственный, цивилизационный) дискурс" характеризуется положительным отношением к авторитаризму, идеологическому консерватизму ("государственности"), регулируемой экономике, независимой (антизападной) внешней политике, идее национального возрождения, уникальности России и самих русских. Автор не вкладывает никакого оценочного смысла в данные типы дискурсов, а применяет их только для демаркации позиций представителей интеллектуальной элиты. Так, понятие "консерватизм" используется в нейтральном значении как несоциалистическая альтернатива либерализму, и наоборот.

Подход автора этой статьи отличается от методик А.Варанова, Д.Добровольского, М.Захваткина и др.; А.Темкиной и В.Григорьева; А.Корниенко^{3*} и других исследователей, изучающих дискурс по выборке из различных средств массовой информации, — по определенной газете, журналу за определенный период времени. Я использую выборку представителей интеллектуальной элиты, опубликованные высказывания которых и составляют предмет анализа^{4*}. При этом я руководствовалась не только собственными суждениями о принадлежности отдельных комму-

никаторов к интеллектуальной элите, но и результатами предварительного опроса экспертов^{1*}. Подобранная таким образом группа насчитывает около 50 человек^{2*}. Ее состав не был постоянным во времени, поскольку кто-то из этой группы мог выпасть, но в целом работы этих интеллектуалов дают представление о состоянии официального дискурса, выражаемого интеллектуальной элитой, в рассматриваемый период. Были проанализированы работы 26 носителей дискурса^{3*}. Общее число обработанных публикаций составляет 251. Возможность обработать данные по всей группе целиком ограничена отсутствием общедоступных публикаций некоторых ее представителей. Не претендуя на абсолютную полноту выборки, автор тем не менее рассматривает имеющийся у него массив данных как репрезентативный и достаточный для полноценного анализа.

Метод исследования — контент-анализ. Основная единица проводимого анализа — одна публикация. При этом ее объем и форма не имеют значения. Важно само содержание высказывания, будь то газетное или иное интервью, статья, глава в книге, опубликованное выступление на конференции или монография. Автор использовал бинарную дихотомическую систему из десяти категорий: "демократизм—авторитаризм" (политическая дихотомия); "либерализм—консерватизм/государственность" (идеологическая дихотомия); "свободный рынок—регулируемый рынок" (экономическая дихотомия); "прозападная внешняя политика—независимая/антизападная внешняя политика" (внешнеполитическая дихотомия); "этническая толерантность—национализм" (дихотомия национального самосознания). Данные категории контент-анализа опираются на понятия, широко используемые в социологии, политологии и политэкономии. Принципиальным для исследования является выбор дихотомических пар, так как в рассматриваемом массиве данных отсутствуют категории социалистического дискурса (например, "Народная демократия", "Социализм как идеология", "Государственная экономика", "Социалистическая интеграция", "Социалистический интернационализм"). Иными словами, современный дискурс в России складывался на основе диалога двух составляющих: либеральной и консервативной. В постсоветский период только их носители входили в интеллектуальную элиту, как она понимается автором.

Каждая из рассматриваемых категорий объективно выражается определенным набором текстовых индикаторов и их синонимов (см. ниже табл. 1 и 2). Например, категория "демократия" определяется такими словами, как "выборы", "разделение властей", "федерализм", "свободная пресса" и их синонимами^{4*}. При анализе каждому обнаруженному текстовому индикатору присваивалось определенное оценочное значение в интервале от -1 (негативная оценка) до +1 (позитивная оценка). Нейтральному отношению к определенному текстовому индикатору соответствовало значение "ноль".

1* Автором опрошены 40 экспертов в Москве и Санкт-Петербурге.

2* Хотя экспертами упоминалось примерно 120 человек, многие из них не подходили под заранее установленные критерии отбора. Например, часто упоминались непосредственно представители политической элиты (В.Черномырдин, Б.Немцов, С.Иванов и др.), интеллектуальная элита, находящаяся в оппозиции к действующей власти (Г.Явлинский, С.Глазьев, Б.Кагарлицкий и др.), или журналисты (Е.Киселев, Н.Сванидзе, М.Леонтьев, М.Соколов, С.Доренко, В.Познер и др.), или спичрайтеры, секретари, референты действующих политиков (Л.Дихоя, Ю.Батуринов, В.Костиков и др.).

3* Е.Гайдар, С.Шахрай, Г.Сатаров, А.Салмин, С.Каспэ, А.Илларионов, В.Мау, В.Никонов, С.Караганов, А.Кара-Мурза, Е.Ясин, А.Шохин, А.Чубайс, А.Улюкаев, Г.Бурбулис, А.Собчак, М.Краснов, А.Лившиц, С.Васильев, Г.Павловский, С.Кордонский, С.Чернышов, А.Панарин, А.Дугин, И.Бунин, В.Цымбурский.

4* Список синонимов находится у автора.

1* Левада Ю. Элита и масса — проблема социальной элиты: Еще раз о проблеме социальной элиты // От мнений к пониманию. М.: Московская школа политических исследований, 2000.

2* Хахулина Л. А., Тучек М. Распределение доходов: Бедные и богатые в постсоциалистических обществах // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. № 1.

3* См.: Баранова А., Добровольский Д., Захваткин М. и др. Указ. соч.; Темкина А., Григорьев В. Указ. соч.; Корниенко А. В. Указ. соч.

4* Работы Межуева строятся по сходному принципу. См.: Межуев Б. Указ. соч.

Положительная оценка (+1) определенного индикатора давалась на основе: а) положительных эпитетов, ассоциируемых с данным индикатором: "необходимый", "позитивный", "желательный", "императивный" и т.д.; б) определения текстового индикатора в качестве цели, задачи, необходимого условия для достижения каких-либо целей: "Мы должны стремиться к демократии"; "Наша цель — либерализация цен"; "Главной задачей сегодня является обустройство государства для блага человека" и т.п.; в) определения данного текстового индикатора как средства или пути достижения чего-либо несомненно позитивного: "Демократия — это путь прогресса"; "Либерализация цен ведет к появлению товаров"; "Экономический протекционизм помогает отечественному производителю" и т.п.

Соответственно негативная оценка (-1) любого текстового индикатора складывалась из: а) негативных эпитетов, ассоциируемых с данным текстовым индикатором: "пагубный", "дестабилизирующий", "негативный" и т.п.; б) определения текстового индикатора как чего-то нежелательного, чего следует избегать: "Мы должны избегать монополии политической власти"; "России не надо решать этнические проблемы силой" и т.п.; в) ассоциации текстового индикатора с отрицательными явлениями или процессами, ведущими к негативным или губительным результатам: "Либерализм ведет к деградации государства"; "Отсутствие национальной идеи разрушает страну"; "Авторитаризм — это катастрофа" и т.п.

Нейтральное значение (0) присваивалось в случае присутствия как негативных, так и позитивных оценок данного индикатора: "Социальная защита населения не эффективна, но необходима"; "Либеральная теория свободного рынка верна, но ее неправильно применять"; "Хотя политическая система и авторитарна, но отражает российскую расстановку политических сил" и т.п.

Следующие цитаты, взятые из массива данных и сгруппированные по описанным выше дихотомиям, иллюстрируют методику автора.

Политическая дихотомия. Фраза *"Вариант восстановления унитарного государства с очень большой долей вероятности приводит к варианту окончательного развала России и ее исчезновению с политической карты мира"* содержит текстовый индикатор "Унитарное государство" консервативного дискурса, оцененный отрицательно (случай "в" — ассоциация с отрицательными явлениями). Во фразе *"Федерализация порой приобретает иррациональные и разрушительные формы, таит в себе угрозы для силы и целостности государства или утраты федеральной властью тех или иных жизненно важных ее прерогатив. Тем не менее в целом процесс федерализации носит здоровый и объективно обусловленный характер"* содержится нейтральная оценка текстового индикатора "федерализм" либерального дискурса, так как данный индикатор ассоциирован как с отрицательными, так и с положительными эпитетами.

Идеологическая дихотомия. Во фрагменте *"Только власть в России — это предельно серьезно, прогрессивно, определено... Есть особый тип связи человека и человека, предполагающий присутствие при этом третьего, имеющего прерогативу и возможность лишить свободы либо умертвить любого из этих двух независимо от поддержки оставшегося, а можно и обоих разом... Духовно насыщенная, культурно мощная, созидательная, хотя и вполне нечеловеческая — не нуждающаяся в свободе человека, русская власть"* содержится синоним текстового индикатора "примат государственных интересов над личными" ("не нуждающаяся в свободе человека власть") консервативного дискурса. Данный индикатор оценен положительно (случай "а" — положительные эпитеты). В цитате *"Вульгарные штампы "открытого об-*

щества и прав человека» синоним текстового индикатора "гражданские права" ("права человека") либерального дискурса оценен отрицательно (случай "а" — негативные эпитеты).

Экономическая дихотомия. Фраза *"Безусловно, рынок с преобладающим государственным началом, гипертрофированной и постоянно меняющейся налоговой системой и сильной традицией бюрократической коррупции продолжает воспроизводить нелегальные теневые отношения"* содержит негативную оценку текстового индикатора "государство как регулятор рынка" консервативного дискурса (случай "в" — ассоциация с негативными явлениями). Фраза же *"рынок в известной степени морализует общество"* является примером положительной оценки текстового индикатора "рынок как основной агент экономического развития" либерального дискурса (случай "в" — определение текстового индикатора как средства достижения чего-либо позитивного).

Внеинеполитическая дихотомия. В цитате *"Сегодня жертвой навязанной извне истории чувствует себя практически весь не-Запад, испытывающий на себе историческое давление Запада, вовлеченного мир в собственную прометееву авантюру и с порога отвергающего всякие попытки переосмысления исторического процесса с других позиций"* текстовый индикатор "партнерство с Западом" либерального дискурса имеет отрицательную (-1) оценку (случай "в" — ассоциация текстового индикатора с отрицательными явлениями). В фразе *"Россия не должна уходить в "третий мир". Ее место в "первом" содержится синонимы двух текстовых индикаторов: "партнерство с Востоком и Югом" («уход в "третий мир"») консервативного дискурса и индикатор "партнерство с Западом" («быть в "первом мире"») либерального дискурса. Первый индикатор оценен отрицательно (случай "б" — определение текстового индикатора как чего-то нежелательного), второму дана положительная оценка (+1) (случай "б" — определение индикатора в качестве цели).*

Дихотомия национального самосознания. В фразе *"Мы должны привести в движение идею истории, идею России"* встречается текстовый индикатор "существование особых национальных ценностей, идей" консервативного дискурса. Этот индикатор оценен положительно (+1), как нечто желательное и необходимое (случай "б" — определение текстового индикатора в качестве цели).

Результаты исследования. Исследование состояло из нескольких этапов. На первом этапе на основании опроса экспертов и была выделена группа представителей интеллектуальной элиты, соответствующих критериям отбора. Эта группа была разделена на три подгруппы: 1) подгруппа интеллектуалов, наиболее полно выражавших официальный дискурс в раннеельцинскую эпоху; 2) совокупность интеллектуальных коммуникаторов дискурса позднеельцинского периода; 3) интеллектуальные носители дискурса путинского времени.

На втором этапе были отобраны все опубликованные и доступные материалы, написанные интеллектуалами данных подгрупп за десять лет. Эти материалы были проанализированы и сведены к единому виду с помощью специальных кодировальных таблиц, содержащих текстовые индикаторы, включая синонимы, и внесенные значения оценок по каждому встречавшемуся индикатору.

Результаты оценок конкретных текстовых индикаторов и категорий в целом обобщались хронологически по годам (табл. 1 и 2). Для каждого года рассчитывалось среднее арифметическое значение оценки категорий (сумма оценок, деленная на общее число упоминаний в данной категории). В наиболее общем виде результаты проведенного анализа отражены на графиках динамики

Таблица 1*

Средние значения оценок текстовых индикаторов категорий либерального дискурса по годам

Категории, текстовые индикаторы	Среднее арифметическое (сумма оценок, деленная на число упоминаний)									
	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Демократия:										
Разделение властей	1	1	1	1	1	1	1	0	1	
Парламентаризм	1	-1	1	0,2	-0,3	0,3	0	0	0,5	
Реальные выборы	1	0,5	1	0,8	1	0,7	1	0,8	0,3	
Многopатийность	1	1	1	0,6	1	0,2	0,7	1	0,5	-1
Конституционность	1		1	1	1	0,7	1	0,7	1	
Гражданское общество			0,7	0,7	0	1	1		1	1
Свободные СМИ			1	1		1		0	-0,7	-0,7
Федерализм	1	1	1	1	0	1	0,3	-0,7	-0,4	-1
Подотчетность власти	1	0,7	0,7	1						
Итого среднее арифметическое	1	0,5	0,9	0,8	0,6	0,8	0,7	0,2	0,4	-0,4
Либеральная идеология:										
Естественные права и свободы	1		1	1	1	1	0,5	-0,5		
Гражданские права	1	1	1	0,7	1	1	1	-1	0	1
Либеральные ценности	1	1	0	0	1	0,3	0,4	-0,3	-0,5	-1
Государство для людей. Права человека выше интересов государства	1	0,3	1	0,5	1	0,6	0,4	-0,7	-0,1	-0,6
Небольшой эффективный государственный аппарат	1	0	1	0,7	1	1	1	-0,3	0,5	
Признание и положительная оценка различных интересов		1	1	1	1	1	0,6	0	1	
Правовое государство	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Итого среднее арифметическое	1	0,7	0,9	0,7	1	0,8	0,7	-0,3	0,4	0Д
Свободно-рыночная модель:										
Рынок как основной агент экономического развития	0,8		0,9	0,7	1	1	0,5	-0,2	-0,3	0,5
Слабая социальная защита населения	1	0,5	0,5	1	1	1	-1	0,5	1	
Экономическая справедливость	0,7	0,8	0,7	0,7	1	1	0,3	0,3	1	
Низкие налоги	1	1	1	1	0,8	0,8	1	1	1	
Бездефицитный бюджет	1	1	0	1	1	1	0,7	1		
Ваучерная приватизация, частная собственность	1	0,8	0,7	0,1	0,6	0,8	0	0	1	1
Жесткая финансовая политика	1	0,7	1	1	1	0,5	1	1		
Либерализация внешнеэкономической деятельности	1	0,6	1	1	1	0,7	1	0	0	
Либерализация цен	1	0,5	1	0,6	1	1	1	1	1	
Конкуренция	1	0,8	0,8	0,6	1	0,7	1	0	1	
Универсальное нелиберальное экономическое развитие	0	0,5	0,6	0	1	0,3	-0,6	0,5	0	
Итого среднее арифметическое	0,9	0,7	0,7	0,7	0,9	0,8	0,4	0,5	0,6	0,8
Прозападная внешняя политика:										
Партнерство с Западом	1	0	1	-0,1		0,6	-0,3	-0,4	0,5	0
Однополярность				-1		-1		-1		-0,8
Идеалистическая внешняя политика	1		0,8	0,7	1	0,6	0,3	-0,6	0	0
Сокращение расходов на оборону	1		0,3	1					1	1
Отказ от вмешательства во внутренние дела других стран для защиты местного русскоязычного населения	1			1					1	1
Интеграция с бывшими союзными республиками на экономической основе	1		1	1	1	1	0	-0,3	1	
Итого среднее арифметическое	1	0	0,8	0,4	1	0,3	0	0,6	0,6	0Д
Толерантность национального самосознания:										
Все нации равны	1	1	0,3	1	1	1		-1	1	1
Мирное решение этнических проблем			1	0,3	1	1	0		0,3	
Существование универсальных ценностей			0,5	0	1	0,3	0,1	-0,3	1	-1
Итого среднее арифметическое	1	1	0,6	0,4	1	0,8	0Д	-0,7	0,8	0

Незаполненные клетки в таблицах 1 и 2 означают отсутствие высказываний, содержащих текстовый индикатор или его синоним, в данном году.

Средние значения оценок текстовых индикаторов категорий консервативного (государственнического) дискурса по годам

Категории, текстовые индикаторы	Среднее арифметическое				сумма оценок, деленная на число упоминаний)					
	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Авторитаризм:										
Монополия власти	-1	-1	-1	-0,5	0	-1	-9,5	-0,2	-0,3	
Президентское правление	0	-0,5	0,5	0,3	0	-0,5	0,5	0,3	0	1
Формальные выборы			-1	-1		-1	-0,6	0,5	1	
Однопартийная система, контролируемая оппозиция		0,5	-1	0	1	1	-0,5	0	0,3	1
Отсутствие конституционных норм, политическая целесообразность		-1	-1	-0,4	0	-0,6	-0,5	-0,5	-1	
Неравенство граждан в политическом процессе			-0,3			-1	0	-1	0,3	
Идеологический контроль СМИ			-1	-1	-1	-1		0	0,3	1
Унитарное государство	-1			1	-1	1	0	-0,6	0,5	1
Отсутствие контроля за властью	-1	-1		1	-1				0	
Итого среднее арифметическое	-0,8	-0,6	-0,7	-0,3	-0,3	-0,4	-0,2	-0,2	0,1	1
Государственнический/консервативный идеологический дискурс:										
Социальные права			1	-0,6	-1	1	0	1	1	
Позитивные права	-1		1	1	1	1		1	1	
Консервативные ценности	-1	0	0,2	-0,4	-1	0,5	0,3	1	1	
Примат государственных интересов над личными	-1	-1	-0,8	-0,2	0,3	1	0,7	1	0,7	0,9
Усиление силовой структуры государства	0	-1	0,3	-0,1	-0,1	0,7	1	1	0,4	0,8
Единство интересов, социальная гармония	-1	0	0,2	0,1	-1	1	0,5	1		1
Избирательность, двойной стандарт правоприменения	-0,5	-1	-1	-0,9	-1	-1	-1	1	-1	
Итого среднее арифметическое	-0,8	-0,6	0,1	-0,1	-0,4	0,6	0,2	0,7	0,5	0,9
Управляемая экономика:										
Государство как регулятор рынка	0	-0,4	-0,1	-0,3	-0,3	-0,3	0	-0,3	0,5	1
Сильная социальная защита населения	0,5	-0,3	0,5	-0,3	0	0	0,5	0,8	1	
Социальная справедливость	-0,6	-1	-0,7	-0,3	0,3	-0,4	0,6	0	-1	
Высокие налоги	-1	-0,7	-1	-1	-1	-0,6	0	-1		
Бюджетный дефицит	-1	-1	0,5	-1	-1	-1	-0,7	-1	-1	
Альтернативы ваучерной приватизации: передача предприятия трудовым коллективам, национализация (коллективная и государственная формы собственности)	0	0	0	-1	-0,3	0,3	-0,7	-1	-1	-1
Выдача льготных кредитов, мягкая финансовая политика	-1	-0,9	-1	-1	-1	-1	-0,3	-1		
Протекционизм	-0,5	-0,7	-0,3	-1	-0,7	-0,5	0	0	1	
Контроль и регулируемость цен	-0,5	-0,8	-1	-1	-1	-0,5	-1	0		
Селективная поддержка приоритетных отраслей	0	-0,4	-0,4	-1	-0,2	-0,5	-0,1	-1	0,7	
Национальная экономическая модель	-0,2	1	1	0,7	-1	0,5	1	0,5	0	
Итого среднее арифметическое	-0,4	-0,5	-0,2	-0,7	-0,6	-0,4	-0,1	-0,4	0	0
Независимая или антизападная внешняя политика:										
Партнерство с Востоком и Югом	1	1	0	0,3		1	0,3	1	0,5	0
Многополярность				1		1		1		1
Реалистическая внешняя политика	1	1	-0,3	-0,2		1	1	0,6	0,3	1
Увеличение расходов на оборону			0,5	-1	-1	0,3		-1	1	
Защита русскоязычного населения			-1	0,3			1	1	1	
Империальное воссоздание СССР		1	1	-0,3			1	0,8		0,5
Итого среднее арифметическое	1	1	0	0	-1	0,8	0,8	0,7	0,7	0,6
Национализм:										
Деление наций на "хорошие" и "плохие"	-1	-1	-1	-0,9	-1	-0,3	-1	1	-1	-1
Силовое решение этнических конфликтов			0,5	-0,5	-0,8	-1	-1		0,3	1
Существование особых национальных ценностей, идей	-1	0,3	0,3	0,4	1	0,3	0,7	0,7	-0,2	1
Итого среднее арифметическое	-1	-0,3	-0,1	-0,3	-0,3	-0,3	-0,4	0,8	-0,3	0,3

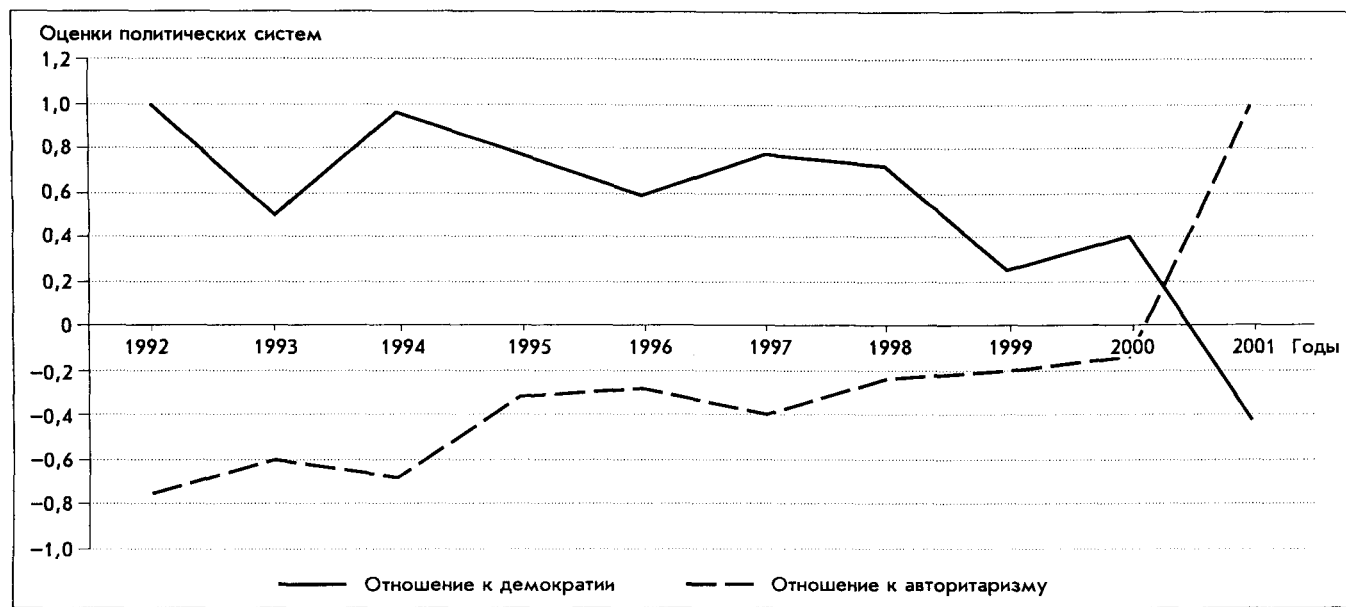

Рис. 1. Эволюция оценки политических систем

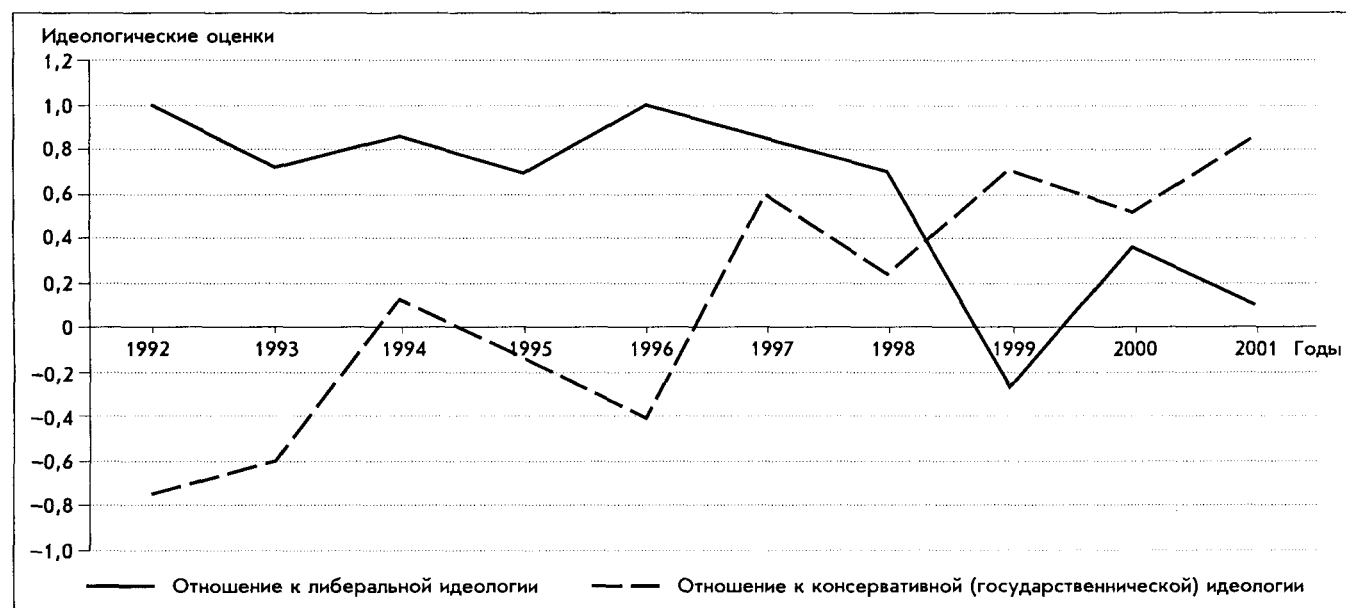

Рис. 2. Эволюция идеологических оценок

оценок избранных дихотомий. Полученные данные позволяют проследить эволюцию дискурса интеллектуальной элиты на протяжении последних десяти лет.

Динамика оценок политических систем. Графика на рисунке 1 условно делится на три периода. В 1992-1994 гг. наблюдалось абсолютное предпочтение демократии и отрицание авторитаризма. Интересно, что в 1993 г. (события сентября-октября 1993 г.) отмечается существенное снижение привлекательности демократии при одновременном усилении авторитарных тенденций. Во втором, переходном, периоде (1995-1999/2000 гг.) идет постепенное снижение привлекательности демократии при одновременной реабилитации авторитаризма. Обе кривые стремятся к нулю, что характерно для конфликтной ситуации, в которой идет борьба между двумя противоборствующими идеями, когда ни одна из них не является абсолютно приемлемой. На третьем этапе этот спор решается в пользу авторитаризма как модели политического устройства. Иными словами, бесспорный лидер первого периода — демократия постепенно теряет свою привлекательность,

сравниваясь с авторитаризмом, а затем и уступает этой идее. Таким образом, в политических оценках элиты произошла полная ревизия.

Динамика оценок идеологических предпочтений. Графика на рисунке 2 также разбивается на три этапа. В 1992-1996 гг. доминировали либеральные воззрения. В 1996 г. после президентских выборов и выступления Б.Ельцина с призывом поиска новой идеологии началась борьба между либеральной и консервативной (государственнической) альтернативами, продолжавшаяся до 1999 г., когда выбор был сделан в пользу государственных идей. Иными словами, первое президентское правление Б.Ельцина прошло под лозунгами либерализма, что очень четко фиксируется в дискурсе интеллектуальной элиты. Его второй президентский срок прошел под знаком поиска идеологии. С избранием В.Путина идеологией элиты стало "государственничество". При этом "либерализм" как идеология не полностью дискредитирован, хотя в целом за десять лет прослеживается тенденция к снижению его привлекательности. Примечательно, что полная дискредитация

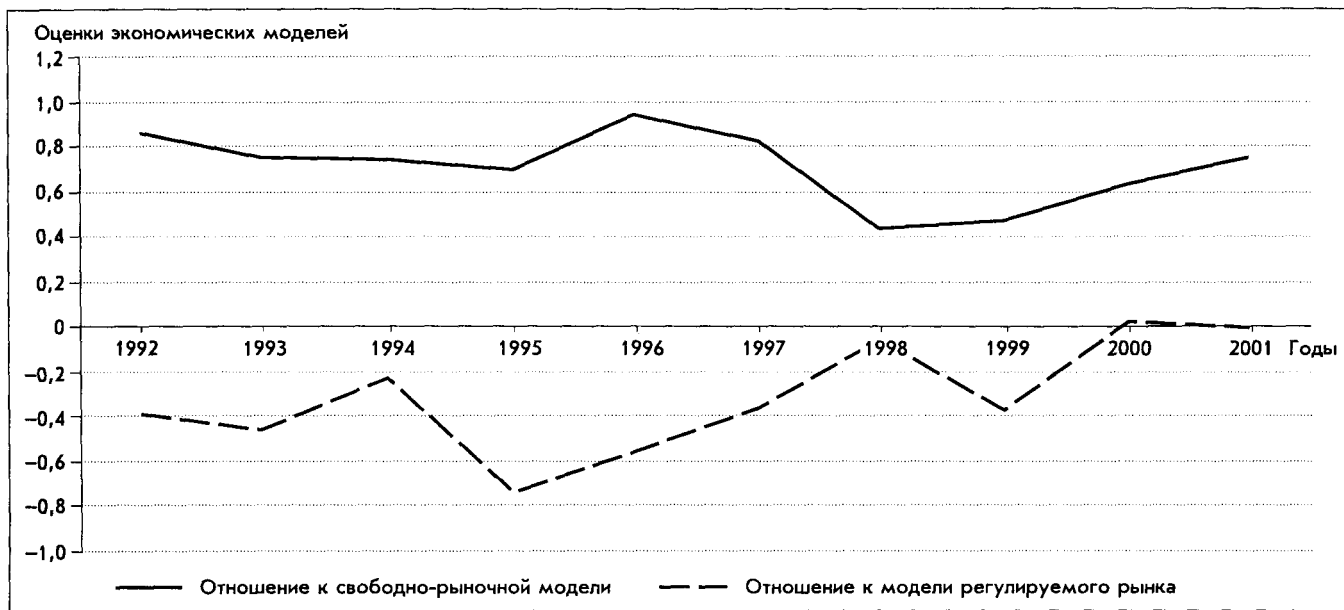

Рис. 3. Эволюция оценок экономических моделей

демократии в политическом дискурсе практически исключает ее быструю реабилитацию, тогда как идеологический либерализм при благоприятном общественном мнении может быть снова востребован. Возможно, государственничество (консерватизм) интеллектуальной элиты является уступкой общественному мнению, но увлечение авторитаризмом, скорее всего, свидетельствует о глубинных классовых интересах этой группы.

Динамика оценок экономических моделей. Графики на рисунке 3 наиболее просты для интерпретации. Среди двух моделей (свободного и регулируемого рынков) первая всегда была более предпочтительной. Единственным поводом задуматься над бесспорностью свободно-рыночной модели стал дефолт 1998 г. После короткой дискуссии выбор снова был сделан в пользу свободного рынка. В отличие от демократии и либерализма, оценка экономических институтов, созданных в результате реформ 1992–1993 гг., неизменно остается положительной независимо от общественного мнения. Именно экономическая составляющая и является ядром дискурса интеллектуальной элиты (см. ниже рис. 6). Она не подвержена ни заметным колебаниям, ни воздействию изменений в составе интеллектуальной элиты. При этом модель регулируемого рынка в настоящий момент не отнесена к разряду полностью неприемлемых. Как и в случае с либерализмом, при определенных обстоятельствах она вполне может быть востребована.

Динамика оценок внешнеполитических ориентации. Графики рисунка 4 наиболее сложны из всех рассматриваемых. Однако и здесь можно выделить три периода. Первый — до 1996 г. — умеренно прозападный, отличается в целом нейтрально-положительным отношением к Западу и постоянным снижением популярности имперских устремлений и антизападничества. В период с 1996 по 1999 г., т.е. в период резкой конфронтации, идет резкое ухудшение оценки Западу при одновременном росте интереса к возрождению России как супердержавы, противостоящей Западу. Пик этих настроений приходится на 1999 г. (события в Косово, расширение НАТО на Восток).

Современный, умеренно антизападный период характеризуется нейтральным отношением к Западу при сохраняющемся интересе к роли России как супердержавы и одного из полюсов мирового порядка. Такая динамика в целом логична и легко корреспондируется во времени с

основными международными событиями последнего десятилетия*. Оценки обоих направлений внешней политики нестабильны. В перспективе нельзя исключить и возврата к западничеству.

Динамика оценок моделей национального самосознания России. На графиках рисунка 5 видно, что до 1998 г. происходило снижение толерантности и уважения к правам национальных меньшинств при одновременном усилении националистических оценок. При этом дискурс 1994 г. (начало первой чеченской войны) характеризуется максимально положительной для этого периода оценкой националистических действий. Президентские выборы 1996 г., наоборот, привели ко временной реабилитации этнической толерантности в дискурсе элиты. В 1999 г. (вторая чеченская война) зафиксировано резкое возрастание популярности националистических подходов при одновременном резком снижении привлекательности этнической толерантности и принципов мирного этнического сосуществования. В целом современный период можно охарактеризовать как умеренно националистический.

В настоящее время нейтральная оценка этнической толерантности сосуществует с умеренно положительной оценкой националистических принципов. Аналогично внешней политике здесь тоже возможно возрождение былой толерантности, поскольку ее общая оценка нейтральна, а националистические идеи не преобладают абсолютно. Как и в случае внешнеполитической ориентации, идет процесс выбора направления национальной политики.

Анализ динамики значимости отдельных дихотомий в общем дискурсе и периодизация дискурса по доминирующим дихотомиям. На рисунке 6 можно проследить динамику значимости каждой дихотомии. Из него видно, что значимость экономической составляющей

* В первом периоде не было открытого противостояния России и Западу, тогда как во втором периоде произошли события в Югославии — Косово, трения по поводу Ирака (связанные с конфликтом вокруг американско-британских бомбардировок и поставок российского оборудования для атомных станций), объявление о планируемом включении прибалтийских республик в НАТО. В настоящий же момент Россия и Запад имеют как общие интересы (например, антитеррористическая операция в Афганистане), так и противоречия (Чечня, СНВ-2).

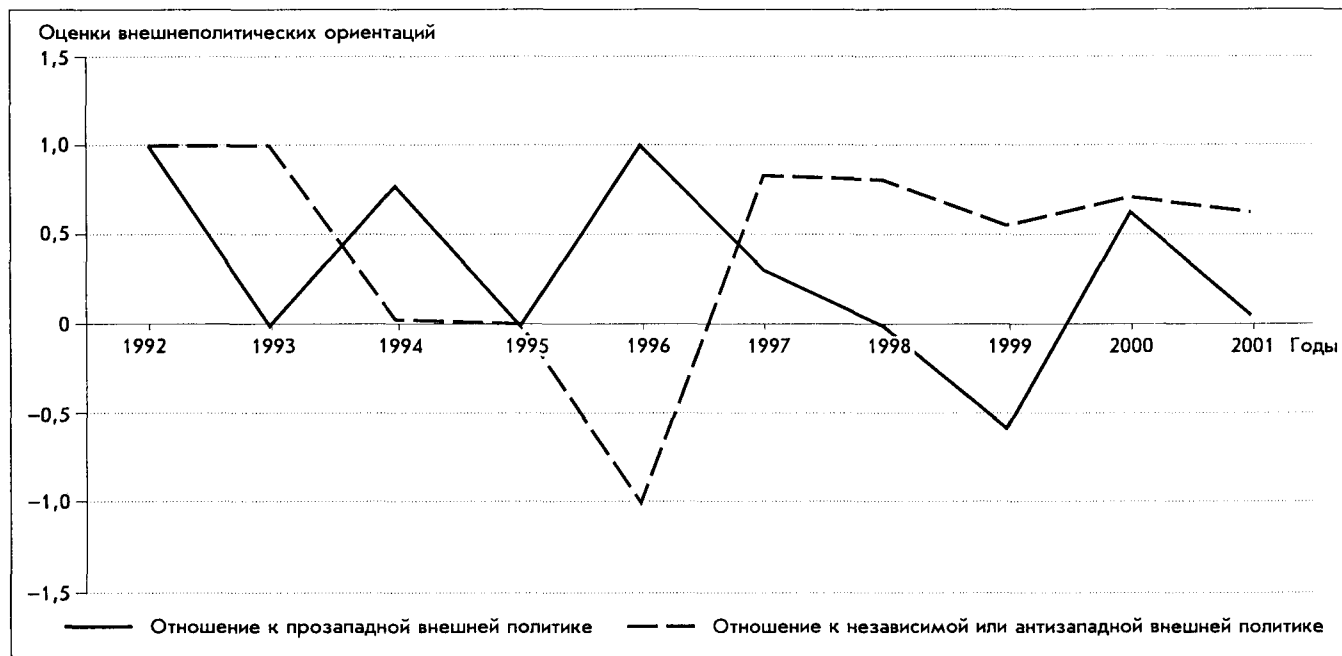

Рис. 4. Эволюция оценок внешнеполитических ориентаций

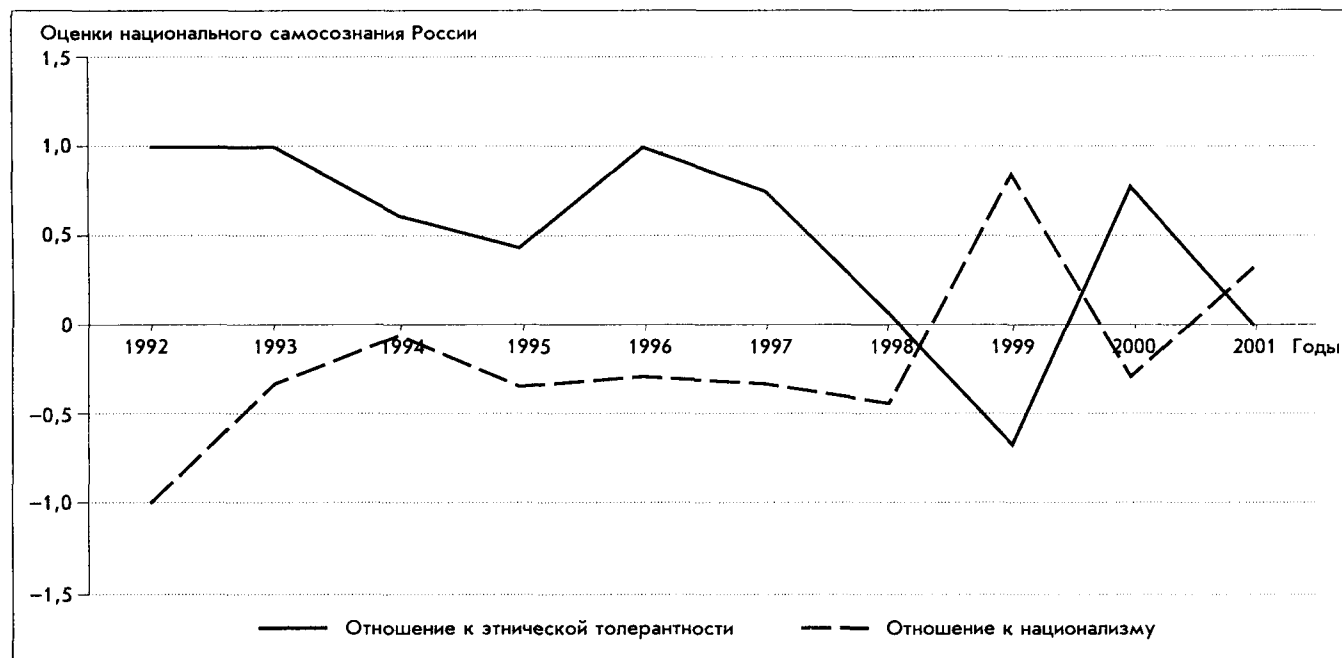

Рис. 5. Эволюция оценок национального самосознания России

за десять исследуемых лет в целом снижается, хотя в этой тенденции есть и "рецидивы" (1993 и 1998 гг. — начало массовой приватизации и дефолт). Относительная значимость идеологии в общей структуре дискурса незначительно увеличивается. Пик популярности этой дихотомии приходится на 1996 г. (президентские выборы). Динамика политической дихотомии имеет слабо положительную тенденцию. Интересно, что максимум ее привлекательности приходится на 2000 г. (вторые президентские выборы). Дихотомия внешней политики в целом весьма стабильна. Она была наиболее популярна в 1999 и 2001 гг. (Косово, антитеррористическая операция в Афганистане), тогда как в 1993, 1996 и 2000 гг., на которые пришлись важные внутриполитические события, ее популярность была минимальной. Наиболее устойчива во времени дихотомия национального самосознания, явного аутсайдера среди

других дихотомий по числу высказываний. Ее относительная роль повышалась лишь в 1994 г. (первая чеченская война), 1996 и 2000 гг. (президентские выборы), когда по популярности она выходила на четвертое место. Все дихотомии, кроме экономики, имеют тенденцию к повышению популярности в дискурсе.

Последний факт свидетельствует о произошедших в дискурсе интеллектуальной элиты структурных изменениях.

Рассматриваемый период можно разделить на три этапа. *Экономоцентрический период* пришелся на 1992 и 1993 гг. В последующий *гетерогенный период* (1994-1998 гг.) экономика уже не имела явно выраженного доминирования над другими дихотомиями. Современный третий этап (1999 г. — настоящее время) можно назвать *идеолого-политико-центрическим*.

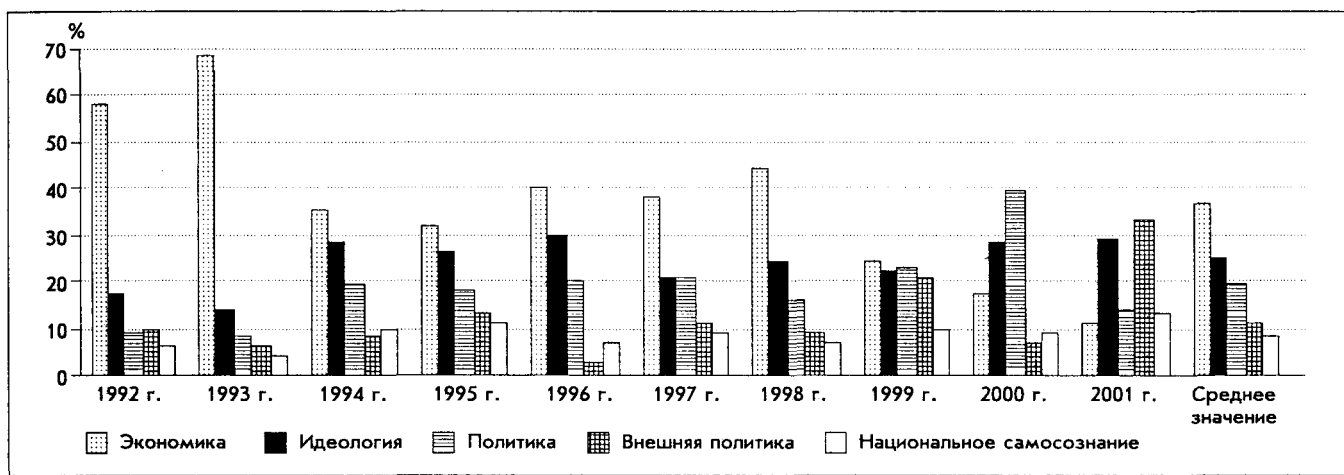

Рис. 6. Относительная частота упоминаний дихотомий в общем дискурсе

По этим структурным изменениям дискурса можно судить и об эволюции в составе самой интеллектуальной элиты. До 1994 г. экономоцентрический дискурс артикулировался действующими политиками-экономистами (Е.Гайдаром, С.Васильевым и т.п.). Их главной целью была популяризация проводившихся экономических реформ. Идеологическое и политическое обоснование проводимых в стране фундаментальных изменений оставалось периферийным. После 1994 г. гетерогенный дискурс артикулировался как действующими политиками-экономистами (А.Шохиным, Е.Ясиным, А.Лившицем), так и собственно идеологами (Г.Сатаровым, С.Красновым, А.Салминим, В.Никоновым и т.д.). С приходом же В.Путина роль действующих политиков-экономистов как артикуляторов дискурса фактически свелась к нулю, а их место заняли профессиональные идеологи (С.Кордонский, Г.Павловский).

* * *

Итак, на первом этапе формирования политического дискурса в постсоветской России "идеалом" политико-экономического устройства было демократическое государство с либеральной идеологией и свободно-рыночной моделью экономики, находящееся в дружеских отношениях как с Западом, так и с Востоком и строящее свою национальную политику на идеях национального и этнического равенства и терпимости. Нынешним "идеалом" является авторитарное государство с государственнической идеологией, стремящееся к многополярности мирового порядка, строящее свою национальную политику на националистических идеях, но со свободно-рыночной экономикой (табл. 3). Характерно, что интенсивность положительных оценок всех категорий в нынешний период значительно ниже, чем в начале, что свидетельствует об отсутствии абсолютного консенсуса по отдельным категориям.

Выводы. Априорно автор рассматривал в качестве основной рабочей гипотезы идею о резкой смене официального дискурса с либерального на консервативный в 1998/1999 годах, т.е. в период дефолта и назначения В.Путина на должность премьер-министра России. Причем автор полагал, что изменения произошли по всем парам дихотомической системы. Однако после проведенного анализа наиболее вероятным представляется следующая эволюция дискурса.

Либеральный дискурс, господствовавший с 1991 по 1993/1994 г. (до прекращения деятельности Верховного Совета, принятия новой Конституции РФ, начала военных действий в Чечне), постепенно эволюционировал в сторону консервативных категорий, за исключением экономической.

Таблица 3

Эволюция предпочтений категорий дискурса

Категории дискурса, оцениваемые наиболее положительно	Сумма положительных оценок по периодам (1992-1994 гг. и 1999-2001 гг.) (максимум 3,0)
1992-1994 гг.:	
Этническая толерантность	2,61
Либеральная идеология	2,58
Демократия	2,46
Свободный рынок	2,35
Независимая или антизападная внешняя политика*	2,03
1999-2001 гг.:	
Государственническая (консервативная) идеология	2,09
Независимая или антизападная внешняя политика	1,90
Свободный рынок	1,85
Национализм	0,80
Авторитаризм	0,66

* При этом прозападная внешнеполитическая ориентация была тоже достаточно популярна (сумма 1,77).

В то же время консервативный дискурс, слабо оформленный и не востребованный политической элитой в начале посткоммунистического периода, стал набирать силу и постепенно занимать доминирующие позиции.

Сосуществование либерального и консервативного дискурсов привело как к постепенному прямому вытеснению первого вторым, так и к самоэволюции либерального дискурса в сторону консерватизма. Приблизительно в 1998/1999 году произошел синтез консерватизма и либерализма, ставшего более консервативным. Однако консервативный дискурс не препятствовал сохранению некоторых элементов либерализма, особенно его ядра — либеральной экономики. В результате получившийся синтез характеризуется сосуществованием ультралиберального экономического лексикона с ярко выраженными элементами консервативной фразеологии. Ясно, что либеральный дискурс претерпел большие изменения, чем консервативный. Единственным существенным отличием модифицированного либерального дискурса от его консервативного конкурента после 1998/1999 года стала только апологетика большей (по сравнению с консерваторами) роли рынка в экономике.

В политической, идеологической и внешнеполитической же сферах эти различия весьма условны. Так, и либералы, и консерваторы не исключают авторитаризма как положительного фактора российской политической жизни. Разница заключается лишь в том, что для либералов такое состояние является временным, а сам авторитаризм — инструментальным по отношению к возможному достижению демократии, тогда как для консерваторов авторитаризм самодостаточен и желателен. В идеологической сфере усиление роли государства и ограничение личных свобод является для либералов вынужденным шагом. Для консерваторов, однако, интересы государства священны, само государство играет роль опекуна, без которого невозможно функционирование общества, а усиление государства при этом является жизненно необходимым. В сфере внешней политики желание либералов противопоставить Россию Западу продиктовано их надеждой, что в качестве сильной державы Россия будет более привлекательна для Запада в будущем. Консерваторы же скептически относятся к самой идее союза с Западом. Хотя современные либералы и говорят об уникальности России, они не считают, что такое своеобразие достойно сохранения. Консерваторы видят необходимость развития национальной идеи именно на основе национальных особенностей России.

Итак, либералы расходятся с консерваторами только в конечных (и весьма отдаленных) целях. Средства же их достижения практически идентичны.

Эволюция официального дискурса была скорее плавной, постепенной, а не резкой, тотальной, как представлялось автору в начале. Период перехода от либерального к консервативному дискурсу (1993/1994 — 1998/1999) был довольно продолжительным и представляет особый интерес для исследователей. Не зафиксировано также полного замещения либеральных категорий на консервативные. Либералам удалось отстоять ключевой для них экономический либерализм (свободный рынок), тогда как консерваторы, пожертвовав периферийным для них регулируемым рынком, смогли привнести принципиальные для себя консервативные политические, идеологические, внешнеполитические и национальные элементы.

Эту эволюцию можно представить на основе упрощенного деления на правых и левых. Первоначальный либеральный дискурс соответствовал левым позициям в политике, идеологии, внешней политике и области национального развития (т.е. был демократическим, рациональным, интернационалистическим, западничеством и толерантным) и правым позициям в сфере экономики (свободный рынок, минимальная роль государства в экономике). Первоначальный же консервативный дискурс соответствовал левым позициям в экономике (идея регулируемой экономики, более активная роль государства в экономическом развитии) и правым позициям в политике, идеологии, внешней политике и в области национального развития, т.е. был авторитарным, иррациональным, изоляционистским и националистическим. Очевидно, именно правые составляющие являлись принципиальными как для либералов, так и для консерваторов. Не случайно синтез их дискурсов был возможен именно на основе объединения правых элементов. К сентябрю 2001 г. официальный дискурс соответствовал правым позициям по всем направлениям (см. табл. 1 и 2). Существовавшие прежде левые элементы как либерального, так и консервативного дискурсов были утрачены.

Интересна разница в аргументации и доказательной базе, представленной либералами и консерваторами. Либералы опираются преимущественно на индуктивный и эмпирический тип анализа, в то время как консерваторы оппонировать им, используя дедуктивный метод и фило-

софский аппарат. В результате их диалог довольно своеобразен, а синтез гетерогенен, т.е. включает как эмпирические, так и философские элементы аргументации.

Также не бесспорным представляется теперь автору и предположение, высказанное опрошенными экспертами о том, что государственно-патриотическая тематика, зазвучавшая в официальном дискурсе с 1993/1994 годов, т.е. в выделяемый автором переходный период, была заимствована у коммунистической оппозиции. Не менее вероятным может быть и заимствование из консервативного дискурса. В переходный период это заимствование, возможно, шло из программного документа консерваторов — трехтомника "Иное", опубликованного в 1995 г.

Следующим этапом данной работы будет сопоставление эволюции официального дискурса с эволюцией общественного мнения, что очень важно для ответа на вопрос, какую роль играют интеллектуалы в посткоммунистических обществах: являются ли они только идеологами политической элиты или же они являются связующим звеном между обществом и элитой.

**Теодор П.ГЕРБЕР,
Сара Е.МЕНДЕЛЬСОН**

Граждане России о правах человека

Демократические нормы предполагают нечто большее, чем поддержка населением соответствующих политических институтов посредством участия в их функционировании и принципа ответственности правительства перед обществом. Безусловно, важнейшими составными частями демократии являются политические партии, свободные и честные выборы, конституция и законы. Однако столь же неотъемлемым атрибутом демократического общества необходимо признать защиту государством прав человека. Таким образом, чтобы добиться стойкой приверженности общества демократическим нормам, необходимо уделять особое внимание соблюдению в этом обществе прав человека.

Авторы все возрастающего числа работ, касающихся проблем сферы социальных наук, в США считают, что международный режим защиты прав человека, подобно "процессу всемирной демократизации", "усиливает свое влияние и становится более устойчивым".*

В начале XXI века кажется, что нормы прав человека приобрели значительно большее распространение в Европе, чем это было 27 лет назад, на заре Хельсинкского процесса, и, тем более, чем во времена подписания Всемирной декларации прав человека**. А что же происходит в России? Что же думают ее граждане о правах человека по

* Например, см.: Risse T., Ropp S.C. International Human Rights Norms and Domestic Change: Conclusions // The Power of Human Rights: International Norms and Domestic Change / Ed. T.Risse, S.C.Ropp, K.Sikkink. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 260, 264.

** Хельсинкский процесс начался в 1975 г. с Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, повестка дня которого и последующие решения признали проблему прав человека одним из актуальных вопросов европейской безопасности. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. обычно считается отправной точкой в революционных изменениях проблемы прав человека, хотя она стала результатом "осмысления военным поколением характера европейского нигилизма и его последствий... и реакцией на раскрытие отвратительных результатов предоставления Вестфальской Германии неограниченного суверенитета" (Ignatieff M. Human Rights as Politics and Idolatry. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 2001. P. 4).